

СУББОТНИК НГ

Январь - 2001

Чувашская газета

Еженедельное приложение к «НГ»

№ 3 (50), 27 января 2001 г.

Выходит с января 2000 г.

● ТАТЬЯНИН ДЕНЬ
ДЛИННОЙ В ЖИЗНЬТВ ИРЕНА ЛЕСНЕВСКАЯ ОБЕЩАЕТ
ПЕРЕДЕЛ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ
В ЭТОМ ГОДУТВ ТЕЛЕПРОГРАММА
НА НЕДЕЛЮ

● ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА «НГ»

● АФИШНАЯ ТУМБА

стр. 11

стр. 12

стр. 13-14

стр. 15

стр. 16

«РУССКОМУ РАЗВЕДЧИКУ РАЗРЕШАЛОСЬ ВЛЮБЛЯТЬСЯ,
ЕСЛИ ЭТО БЫЛО НЕОБХОДИМО ДЛЯ ДЕЛА...»

Советский разведчик, полковник КГБ Михаил Любимов стал автором нескольких бестселлеров и просит называть себя «пишущий шпион»

Александр Щуплов,
Денис ДенисенкоМ ИХАИЛ ПЕТРОВИЧ,
у вас только что вышла
очередная книга. Вы
уже стали записным
русским писателем?— В общем-то, да. Я привык
ценить слово «писатель». Сейчас
в России писатели — Солженицын
да еще Битов. Остальные — так
будет тоньше! — следуют называть
«литераторы». Писатель — это
очень серьезно... С другой стороны,
как назвать себя? «Литератор»
стал прописным местом... Шибарин
выпускает книжку за книжкой.
Хотя раньше, в основном, пробавлялся
афоризмами. Сейчас написал
что-то вроде мемуарного романа.
Мы, кстати, в беседе с ним на
книжной ярмарке, спросили, не
даст ему покоя, что ли, литературные
лавы Любимова? Он сказал, что
работает с вами в разных жанрах.— Надо сказать, что Леонид
Шибарин, наверное, самый талантливый
из всех разведчиков, кто
ступил на литературное поприще.
Я читал и рецензировал его
последнюю книгу. Мне она понравилась.
Конечно, как и любая большая литература,
книга у него получилась грустной. Удивительно,
что литературная тусовка
о таких книгах молчит. А вышло
какой-то бред, написанный
любом, Ерофеевым, — сразу шум.— Может быть, дело не в тусовке,
а в предубеждении: мол, разведчик
меняет профессию — пишет книжки...— Это мнение всей этой интеллигенции,
которая всю жизнь боролась
с жандармами, активно с
ними сотрудничая...— А вы себя к интеллигенции
причисляете?

— В общем, причисляю.

— И как совмещаете прошлое
разведчика с интеллигентским
настоящим?— Я уже давно, лет двадцать, вне
жандармерии. А потом, я вам скажу,
почему интеллигент не может
быть жандармом? Почему интеллигент
может быть подлейшим агентом,
сотрудничать с КГБ, капать
на своих близких — и считать
себя при этом интеллигентом? А
жандармский полковник, который
принимает от него донесения
и сам, кстати, пишет — не интеллигент?
Это большой вопрос. Лермонтов
интеллигент? А ведь звание
имел Толстой тоже. Раньше
не было такого разделения.— В ваших книгах последних лет
можно увидеть акцентирование
литерических проблем. Будто у вас
весна началась по второму разу.
Принимаете вы их с таким
юношеским пылом...— Меня всегда волновал Бунин.
Он начал писать о любви поздно,
уже когда получил Нобелевскую
премию, — влюбился в Галину
и поселил ее у себя дома. «Темные
аллеи» он написал, кажется, почти
в 80 лет. Уникальное для литературы
явление!.. А я сейчас живыми
занимаюсь — пишу о Чешском
Котом. Это — об англичанах
и об Англии — стране моей
любви. Я гуляю вместе с Чешским
Котом, беседую. Такой вот
роман-променад.— Большой процент выдумки в
вашем романе-променад?— Это смесь эссе с мемуарной
прозой. Так что там выдумки
практически не будет.— А какие функции выполняет
кот — собеседник или завербованный
агент?— Кот выполняет все функции
разом. Мы ведем с ним тонкие
беседы. Он мне кое-что рассказывает:
когда я становлюсь англофобом,
оперивает меня; когда слишком
русифицируюсь, тоже оперивает.— А кто вы вообще — русофил
или западник?— Главное — не идеолог. Я не
скрываю, что люблю англичан.
Так что я англоман! Но любящий
Россию.— Не боитесь космополитизма
прослыть? У нас, вроде, строят
империи и национализм входит
в моду.— Могут и «космополитизм»
приклеить. Меня в свое время
уже подозревали в связи с ан-глийской разведкой — это когда
убежал Гордиевский.— В книге «КГБ по городам
мира» вы написали в анкете, что
работали в Великобритании и Дании,
владеете английским и шведским,
являетесь полковником КГБ, любите
виски «Гленlivet», не курите,
занимаетесь плаванием и волейболом,
любите прогулки пешком
(что и понятно — в отношении
разведчика)...— Добавим, что еще я люблю
хорошую кухню и красивых женщин.— В упомянутой книге вы пишете:
«С Англией у меня складывалась
странная любовь: чем больше
она мне нравилась, тем вознее
я себя чувствовал». Что вы имели
в виду?— Дело в том, что мое поколение,
точнее разведчики моего поколения,
были воспитаны в до-
вольно слепой вере в коммунизм:
мол, все наше — всегда лучше
ихнего! Поэтому, когда я вдруг
неожиданно увидел, что стереотип
моего мышления разрушается, я
подумал: «Господи, в кого же я
превращаюсь? Я приехал в Англию
как большевик-ленинец — с
мыслью о мировой революции,
думал увидеть «бедственное
положение английского народа» и
т.д. Смотрю: где этот бедный
английский народ? Есть, конечно,
и бедный английский народ.
Такой народ есть в любой стране.
Но в целом я увидел благоденствующую
нацию. Это расхолилось
с моими убеждениями. Это
начало меня пугать. Чем больше я
любил Англию, тем больше думал:
«Боже мой, не перерождаюсь
ли я?» Любимый человек проходит
эволюцию. Такую эволюцию
прошел и я, который раньше
никогда не был за границей, который
приучил мыслить в догматическом
стиле. Я стал видеть
жизнь более трезво.— В своей книге вы пишете об
англичанах, которые, чтобы согреться,
клали в постель бутылку с горячей
водой. Поэтому в Англию до сих пор
плетут: у англичан нет секса, но
есть горячая бутылка. Русский разведчик
в Англию следовал традиции
ее жителей и клал в постель для согрева
бутылку водки?— Русский разведчик, в общем,
любит положить в постель горячую
бутылку. Это гораздо лучше,
чем горячая бутылка. Поэтому
мы с вами отличаемся от англичан.
Но конечно, если эта женщина работает на советскую
разведку.

— Не мешает ли это работе?

— Нет, женщина не может мешать
работе. Впрочем, если это
ревнивая женщина — она мешает
работе. А если она выполняет
свой долг перед Родиной, то не
мешает.— Как обстоит в Англии дело с
прослушиванием шпионских телефонов?
Лучше, чем у нас, или хуже?— Трудно сказать. Скажу так:
слушают одинаково внимательно
и у нас, и у них, особенно если
это касается разведчиков. Но
мне кажется, что англичане получают
большое удовольствие от
прослушивания телефонов русских
разведчиков, потому что
русские разведчики остроумны.
Они могут устроить небольшой
концерт для тех, кто слушает и
превратить прослушивание в
приятное занятие. Представьте,
вы слушаете какие-то интимные
признания в любви, а то и
сексуальный разговор: «Как я тебя
люблю!.. Хочу сейчас к тебе
гулли... и т.д.» Так что прослушивание
— очень увлекательное
дело, и думаю, когда-нибудь у нас
будут издавать пленки прослушивания
государственных деятелей. Это
почтише, чем концерт Баха или
Хазанова.— Кстати, вопрос на засыпку:
если вы объясняетесь в любви
женщине и обнаруживаете, что вас
прослушивают, каковы ваши действия?— Вы знаете, мой метод — все
делать открыто, чтобы за этой
открытостью скрыть то, что мне
нужно сохранить в тайне.— Есть такая поговорка: если
хочешь, чтобы тебе не поверили,
скажи правду...— Если бы дипломаты говорили
правду, они обманули бы всех. Это
лучший способ. Не вижу другого.— Научились ли вы в Англии
определять, когда вас прослушивают?— Бесполезный номер! Например,
иногда здесь мне кто-нибудь из
знакомых звонит домой — и
вдруг шепчет. Мне говорят: «НуПолковник КГБ всегда сумеет найти общий язык с Чешским Котом.
Фото из домашнего архива

вот, опять тебя прослушивают». Возможно, прослушивают, а возможно, и нет. Я знаю только один способ выявления прослушивания — это когда вы слышите, как ваш собственный голос закручивается на пленку; сразу идите второй фой — как будто чуть-чуть отстающее эхо. Ну, что же, бываю и у них в службе прослушивания оплошки... А вообще сейчас бывает нужно не столько спецслужб, сколько банальностей, соседей и т.д. Сейчас же поставьте «жучок» на прослушивание — не проблема.

— Разрешалось ли разведчику
влюбляться?— Ну, конечно! Если это нужно
для дела. А если не нужно для дела,
то нет.

— А если нужно для души?

— Ну, за душу зарплату вы не
получаете, вы получаете ее за работу.
Работа прежде всего! И по-
тому, какое отношение имеет к работе
душа? Никакого. За это можно
получить выговор, да и выговор
могут. Так что, с женщиной
нужно быть осторожным. Разведчик
женщин вербует, ищет контакты.
А все остальное, личное, —
на втором месте. Речь идет о высших
государственных интересах.
Впрочем, и у нас многие путаны
работали на нашу контрразведку.
Они считали, что выполняют свой
долг. А их долг состоял лишь в том,
чтобы переспать и чтобы
эта сцена была сфотографирована
для дальнейшего шантажа. Не-которые дамы с удовольствием
это делали. Бескорыстно. Другие
просили помочь с квартирой или
еще чем-то... Но тем не менее они
не видели из этого ничего особенного.
А что тут ужасного? Любимика
можно иметь. А иметь любовника,
который, к тому же, иностранец
и которого надо за-
вербовать, это даже интереснее,
в этом есть какой-то момент авантюры.
Правда?

— По Англии скучаете?

— Я там два года в год бываю.
Хотя у меня нет такого жуткого
стремления учиться в Англию,
Россию я люблю больше.— Англичане не против ваших
теперешних визитов к ним?— Все нормально! Первый раз я
был в Англии в 1993 году. Правда,
долго не давали визу, да и сейчас,
каждый раз приходится заполнять
карточку о депортации.

— Что это они к вам такие добренькие?

— Стар я уже. Не могу ка-
кие-то операции проводить. Не
люблю мейш.— Когда ездили в 1993 году, не
ощущали за собой «хвост»?— Очень хотелось бы! Я даже
был в каком-то ожидании. По-
мню, возвращаясь в номер отеля.
Телефонный звонок: «Господин
Любимов? Мы сейчас придем!».— Ну вот, думаю, контрразведчики
явятся для какой-то профилактической
беседы. Немного напряг-
ся, чтобы дать им отпор. Откры-
ваю дверь, на пороге стоит май-

ский негр с письмом на подносе.

Посылный! А я-то уже пригото-

вился... К тому же мне было бы
интересно встретиться с бывшими
английскими контрразведчиками,
повспоминать о прошлом.
Глядишь, и они что-то расскажут
о том, как следили... Но в Англии
этим очень строго. Не так как у нас.
Пенсионер-разведчик дол-жен обратиться к начальству за
разрешением. Кое-что, конечно,
он может себе позволить, но, в
принципе, у них это очень закры-
тая служба.— Так у них нет желания встре-
чаться с бывшим противником или
нет разрешения?— Нет разрешения. Да в общем
и желания обсуждать историче-
ские проблемы тоже нет. А жаль,
тема интересная.— Небось пенсия у их разведчи-
ков побольше, чем у наших?— Вот Гордиевский — не просто
пенсионер, он — широк высокого
ранга, получает около 4000 дол-
ларов в год, а я получаю в год око-
ло 1000 долларов. Сравните сами!— Если вам дистанцироваться от
самого себя и сравнить удельный
вес разведчика Гордиевского и
удельный вес разведчика Любимо-
ва, — чей перетянет?— Удельный вес в какой развед-
ке?

— Сложим все разом!

— Это невозможно! У нас нет
никакого «удельного веса». У на-
ших разведчиков пенсия у всехравная. Раньше, когда я уходил,
вершина была 250 рублей: 250 —
полковник, 300 — генерал, 350 —
генерал-полковник...— Если бы сейчас жили в Лон-
доне, сколько у вас была бы пен-
сия?— Вы хотите сказать, что если
бы я был предателем? Не знаю...— Но на сорок тысяч потянули
бы, как Гордиевский?— Думаю, что да. Сейчас смеш-
но вспоминать... Я, допустим, пе-
редавал зарубежным коммуни-
стам миллионные суммы. Тут мне
одна дама говорит: «Зачем пере-
давал? Действительно, зачем?»— Это, наверное, трудно по-
нять. Конечно, сейчас мы вошли
в рынок, у всех на уме деньги. Но
в истории человечества всегда су-
ществовали люди, которые не
предавали свою Родину. Пропла-
вали что-то другое.— Если эта «непродажность» хо-
рошо оплачивается, отчего бы не
«не продавать» родину? Наверное,
непродажность, как и продажность,
должна неплохо оплачиваться.— Я думаю, что неправильно.
Непродажность не оплачивается.— Вы посмотрите: конечно, много
сотрудников КГБ, МИДа убежа-
ло на запад. Но основная-то часть
никуда не убежала. Все прекрас-
но работало! А за какие деньги? Я
как советник посольства в Дании
получал солидно — 500 долларов в
месяц. Это очень немного. Двора-
ни американского посольстваполучал в два раза больше, чем
наш посол, а то и в три!

— Откуда такие данные?

— Мы же этим тоже заинтересо-
вались... Несмотря на то, что та-
кое преимущество в зарплате все-
гда существовало, никто из нас не
думал предавать или убежать. Ра-
довалась тому, что есть. Бывало,
приедешь домой — кругом дефи-
цит, а ты чувствуешь себя коро-
лем.— Наверное, вы нескромным
советским человеком?— Меня это не повергает в уны-
ние. Что значит «советский чело-
век»? Я могу за что-то и ненави-
деть Россию, но в голове у меня
никогда и мысли не было уехать
вообще из этой страны. А потом
— не люблю я заграничку. Мне
нравится побыть там две-три не-
дели, а после — надоела. Только
работа вынуждала меня так
долго сидеть.— Да, от их спокойной жизни
сойдешь с ума. Никаких катаклиз-
мов! У нас интереснее: что ни не-
деля — тонут люди, взрывается
подземный переход, телебашня го-
рит, города замерзают...— Вы как Проханов рассужда-
ете. Он у меня недавно интервью
брал и то же самое говорил. А ему
в ответ: я иду и вижу счастливые
лица. Мне кажется, что после
1991 года счастливых людей у нас
стало больше.

— И где вы их видите?

— И на Горького в Москве, и в
провинции. Нормальные люди,
скромно живут, читают стихи у
памятника Пушкину, обсуждают
Даниила Андреева. Идет жизнь,
которая нигде не учитывается.
Конечно, и контрастов хватает...
Почему счастливых лиц стало
больше? Потому что свобода как
факт окрашивает жизнь чело-
веческую совершенно в другие то-
на. Сравните себя в литературе —
тогда и сейчас. Вы смогли бы то-
гда написать книжку, от которой
получили бы кайф? Или вот ка-
кая-то девочка получает 500 дол-
ларов — накопила и поехала не-
дели на две посмотреть мир. Кто
раньше мог себе это позволить?— Таких можно было по пальцам
пересчитать. Сейчас и номенкла-
туры, я бы так сказал, стало боль-
ше. Если раньше это была узкая
какая-то привилегия, то сейчас
это уже широкий класс —
почти 10 процентов населения. К
олигархам примыкает очень мно-
го людей.— Вы оптимист! Вам нравилось
жить в советские времена — на-
всегда жить сейчас! Хотя между
ними — бездна.— Во-первых, не могу сказать,
что мне нравилось жить в совет-
ские времена. Мне не хватало
свободы. Мне нравилось, когда я
жил в Лондоне или в Дании, чи-
тать английские газеты, развали-
ваясь на софе, или Солженицына,
Заматина. Если пригласишь
себя к лужковому мыслящим интел-
лигентом, то это давало большой
заряд. А так, в Союзе было про-
тивно...— Потом слезаете с софы, от-
кладываете Солженицына, идете
на задание во имя Союза, где про-
тивно...— Да нет. Надо сказать, что у
нас очень легкая работа. И — хо-
рошая! Это все рисовки в дурач-
ки кинофильмов подпортити,
мол, во время войны разведчик
рискует жизнью... Да любой сол-
дат рискует во время войны! А по-
сле войны я не знаю случаев, что
бы разведчиков убивали. Мили-
ционеров убивают, а разведчиков
нет. Мы все — очень большие
жесты культа спецслужб.— Как вы относитесь к реанима-
ции этого культа спецслужб, к то-
му, в частности, что генералы при-
ходят во власть?— Не думаю, что это плохо. Вот
стал губернатором командующий
Балтийским флотом. Чем он хуже
бывшего губернатора Горбенко
или какого-нибудь партийного
функционера? А кем был Ель-
цин? Демократом? Читал Сахаро-
ва? Партийные функционеры
мне нравятся меньше, чем воен-
ные. Хотя, я считаю, Путин дол-
жен отрегулировать этот процесс.
Ведь что происходит? Он взял к
себе несколько чекистов, но че-
кисты тоже работают с чекиста-
ми, происходит рекрутирование
чекистских кадров. Понимаю,
выхода нет: чекист знает чеки-
стов. Но все равно нужна какая-то
регулировка. У нас нет оснований
считать, что сотрудник спец-
служб выше по своим мозгам
данным, чем аттасер.— Может, у них «коэффициент
вороватости» меньше, чем у но-
менклатурных чиновников?

— Это все зависит от системы.

Помните, Сахаров говорил о высо-
кой честности КГБ. Могу только
предполагать, почему у него сло-
жилось такое мнение. Действи-
тельно, в КГБ не занимались эко-
номическими преступлениями, то
есть никакого отношения к день-
гам не имели. Отсюда вывод: в
КГБ ловили шпионов, ну разве что
могли пожать в хорошем рестора-
не для иностранцев. Но соприкос-
новения с крупным жульем по
большому счету не было. Были ка-
кие-то мелкие разборки, напри-
мер, помните, дело рыбного мини-
стра и т.д. Поэтому сейчас в КГБ
и оказались не готовы бороться с
коррупцией. К тому же, в те време-
на был общий жуткий страх...— На этом страхе и воспитыва-
лось бескорыстие. Страна болела
— и продолжала воровать!— С этой точки зрения, нация,
как была вороватой, так и оста-
лась. Но надо же видеть и мас-
штабы. Продажи пива наво-
рала себе на подполчка, а тут —
приватизация и т.д. — масштаб
другой!Наш народ вообще любит че-
кистов. Несмотря на то, что с
1991 года все время шли кампа-
нии — говорили про ужасы ЧК,
какая-то истеричная лама начи-
нала вопить, что убивали, убива-
ли, убивали... На самом деле, на-
род с симпатией относится, да и
относился к чекистам. Тот факт,
что Путин избрал в президенты,
и объясняет первой народ (правда,
верой ничем не обоснованной):
мол, придут чекисты и наведут
порядок. В наши головы
вколотили положительный образ
чекиста, начиная с «Подвига раз-
ведчика», не говоря уже о «Сем-
надцати мгновений весны». Это
серьезное политическое явление.
У чекистов есть кредит доверия.— Вот так, прочитав наше с ва-
ми интервью какой-нибудь «юно-
ша, обдумывающий жизнь» — и ре-
шит стать разведчиком...— Я бы ему этого не посовето-
вал. Во-первых, он сразу разоча-
руется. Если захочет романтики,
становится геологом. ЧК — это та-
кая же бюрократическая органи-
зация, как и везде. Все эти исто-
рии, которые рассказывают быв-
шие шпионы и писатели, — очень
большая редкость. А в общем —
сплошная рутинка: они что-то раз-
рабатывают, собирают информа-
цию, которая часто никому не
нужна, в большей степени работа
идет вхолостую. Человек может
найти себе применение и получе-
ние. Впрочем, всегда можно уйти
— это раньше было сложно, а сей-
час отпустило.— Вас никогда не привлекала на-
преодолевающая деятельность?— Все-таки практический опыт раз-
ведческой деятельности...— Я не пошел бы в жизнь. Я эти
институты ненавижу. К тому же,
представьте себе картину: огром-
ное количество пенсионеров, ко-
торые хотят читать лекции, стоят в
очереди, потому что куда-то еще
они пробиться не в состоянии. А
во-вторых, о чем могут лекции чи-
тать пенсионеры? Об агентурной
работе? Это скучно и никому не
нужно. Только практика может
дать человеку знания, а все эти
оперативные предметы — очень
мало что дают. Вот практические
знания по наружке интересны. Та
же имитация встречи с агентом:
участный встречается со старпе-
ром, тот говорит на грани оборо-
ка: «За мной слежка!» Его нужно
успокоить, найти выход из ЧП.
Это как раз полезно. А теоретиче-
ские предметы о разведке — фи-
гня.— Ну, а организовать в Литин-
ституте, например, курс литера-
турного шпиона?— Я недавно прочитал в «Изве-
стиях» такую жуткую историю о
Литинституте. Мол, там студенты
з основным пилот, в театры или
кино не ходят...— Кажется, автор этой статьи —
сам из литературного молодняка,
которого в Литинститут не взяли...
Обида налило!— Думаю, как-нибудь обойдется
без преподавания в Литинституте.
Знаете, мне рассказывали, что в
прежние времена писатели сто-
яли чуть ли не в очереди в кабин-
ет, чтобы наставить друг на дру-
га. Чувство ревности, ревности-
ревности, ревности-ревности, у
нас развито очень остро. Тут не
надо было никакой разведки — с
Союзом писателей прекрасно об-
ходились и без КГБ.